

УДК 141.8:1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43

ДЕГРАДАЦИЯ СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Во второй половине XX в. в советской гуманитарной науке стал отчетливо проявляться кризис ее философских оснований — материалистического понимания истории. В гносеологическом плане он был вызван обнаружившимися эвристическими пределами абстрактно-всеобщей материалистической теории, которая описывает общее в развитии действительности, но нивелирует все многообразие особенного в нем. С течением времени проявились две взаимосвязанные тенденции этого кризиса — постепенного оформления конкретно-всеобщей теории, которая описывает как общее, так и в обобщенном виде все многообразие особенного в развитии, и деградации абстрактно-всеобщей теории. Распад абстрактно-всеобщей теории стал доминирующей тенденцией. Он проявился в том, что, признавая общие положения материализма в принципе верными, большинство советских авторов начали отходить от них при анализе конкретных исторических явлений. В частности, были сделаны выводы о том, что в конкретной ситуации общественное бытие не всегда определяет общественное сознание, базис надстройку, материальное производство, политическую жизнь и культуру. Одновременно происходил отказ от диалектики — неотъемлемой части марксизма. Часто высказывалось мнение о равнозначности противоположностей в их единстве и относительности тех сторон, которые в традиционном марксизме признавались в качестве абсолютных. Итогом подобных теоретических выводов стал отказ от исторического материализма и переход подавляющего большинства представителей отечественной гуманитарной науки на позиции домарксистской и неклассической философии.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, советский марксизм, диалектика, исторический процесс.

DEGRADATION OF SOVIET MARXISM THROUGH THE EXAMPLE OF PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

In the second half of the 20th century, the Soviet humanities faced crisis of their philosophical foundations — the materialist understanding of history. In epistemological terms, it was caused by the discovered heuristic limits of the abstract-universal materialist theory, which describes the general in the development of reality but eliminates all the diversity of the particular in it. Over time, there emerged two interrelated trends within this crisis — the gradual formulation of the concrete-universal theory, which describes both the general and (in a generalized form) the whole diversity of the particular in development, and the degradation of the abstract-universal theory. The disintegration of the abstract-universal theory has become the dominant trend. It manifested itself in the fact that, recognizing that the general provisions of materialism were true in principle, most Soviet authors began to depart from them when analyzing specific historical phenomena. It was concluded that in a particular situation, social being does not always determine social

consciousness, the basis does not always determine the superstructure, material production does not always determine political life and culture. At the same time, there was a rejection of dialectics, an integral part of Marxism. The opinion was often expressed about the equivalence of opposites in their unity and relativity of those parties that were recognized as absolute in traditional Marxism. Such theoretical conclusions resulted in the rejection of historical materialism and transition of the overwhelming majority of the national humanities representatives to the positions of pre-marxist and non-classical philosophy.

Keywords: materialistic understanding of history, Soviet Marxism, dialectics, historical process.

Начиная с середины XX в. в отечественной материалистической социальной философии и исторической науке издержки сведения особенного к общему, свойственного абстрактно-всеобщей теории, проявились в наиболее явной форме. Стало очевидным, что выявление общего в историческом процессе в рамках традиционного материалистического понимания истории и основанной на нем формационной теории сопряжено с элиминацией всего многообразия особенного в нем. Подобная элиминация особенного становилась существенным препятствием на пути развития частнонаучного гуманитарного знания (в первую очередь исторической науки), поскольку именно особенное является предметом изучения частных наук. Чем больше эмпирических данных попадало в поле исследования представителей частных гуманитарных наук, тем ощутимее становился разрыв между философской материалистической теорией и частнонаучной методологией.

Эвристические пределы абстрактно-всеобщей теории первоначально проявились при попытке историков применить формационный подход, дававший описание и объяснение всемирно-исторического процесса, общего в развитии человечества, к развитию отдельных обществ. Представитель любой частной науки всегда исходит из того особенного круга явлений, который составляет предмет его исследования. В данном плане применение философской теории и методологии в частнонаучном исследовании приобретает сообразный предмету частной науки вид. Как правило, в частных исследованиях используется только феноменологический пласт философской теории, т.е. такие теоретические обобщения, которые касаются явлений, но не сущности, имплицитно представленной в них, особенного, но не общего, которое скрыто в нем. Если феноменологические выводы философии устраивают частного исследователя и способствуют обнаружению новых эмпирических данных и их частнонауч-

ному обобщению, то собственно философские основания, на которых данные выводы делаются, воспринимаются им как нечто доказанное, или постулативно верное. Примечательно, что в исследованиях отечественных историков, следовавших материалистической традиции, формационная теория бралась в тех формулировках, которые дал К. Маркс во введении «К критике политической экономии», при этом истоки, базовые теоретические и методологические принципы, аргументация данных формулировок, изложенных родоначальниками исторического материализма в более ранних работах, оставались практически без внимания.

Первые трудности в применении абстрактно-всеобщей теории обнаружились в ходе дискуссии рубежа 40–50-х гг. XX в. о периодизации всемирной и отечественной истории. Предметом спора, по сути, стала отмеченная еще В.И. Лениным неравномерность общественного развития по отдельным регионам, явное хронологическое несовпадение в развитии всемирной истории и истории России, отсутствие в истории отдельных стран, в том числе России, целых формаций. В частности, существенным вопросом стало отсутствие в истории восточных славян рабовладельческой формации [Данилова Л.В., 1968; Об итогах дискуссии..., 1951].

В середине 50-х гг. спор о периодизации всемирной истории усугубился тем, что в развитии человечества обнаружились такие формы общественного устройства, формационную принадлежность которых практически не удавалось классифицировать без ущерба эмпирическим данным. Наиболее примечательной стала дискуссия о так называемом «азиатском» способе производства. Данная дискуссия началась в середине 50-х гг. XX в. в зарубежной марксистской историографии, а затем развернулась и в отечественной исторической науке [Неронова В.Д., 1992, с. 249–254]. Во многом она продолжила споры 20–30-х гг. XX в., но на

качественно ином уровне. До 30-х гг. в мировой и отечественной исторической науке и особенно в востоковедении наиболее распространенными были феноменологические трактовки обществ как особых политических систем. Подобное несубстанциальное объяснение истории отдельных обществ нередко приводило к пониманию их развития как циклического. Например, существовала феодальная концепция Древнего Востока, где феодализм рассматривался как особого рода социально-политическое явление [Неронова В.Д., 1992, с. 18–20].

В 20–30-е гг. XX в. представления об особом «азиатском» типе развития были характерны для авторов, стоявших на альтернативных историческому материализму позициях. В данной ситуации стремление историков-марксистов опровергнуть существование «азиатского» типа развития и доказать наличие рабовладельческого общества на Древнем Востоке было продиктовано в первую очередь задачей утверждения научной материалистической методологии в исторической науке. Переход на позиции материализма в востоковедении существенно расширил диапазон исследований и обеспечил их систематизацию. Особое внимание востоковеды стали уделять экономической истории. Однако чем больше вскрывалось фактов экономической жизни древних цивилизаций, тем острее становилось различие в социально-экономическом, политическом и духовном развитии типичных рабовладельческих обществ Древней Греции и Рима, с одной стороны, и древневосточных обществ — с другой. В результате спор об «азиатском» типе развития, или, в марксистской терминологии, об «азиатском» способе производства развернулся вновь, но теперь уже на единых материалистических основаниях. Причем с течением времени число востоковедов, склонявшихся к признанию «азиатского» способа производства на Древнем Востоке, а впоследствии и на Востоке вплоть до начала европейской колонизации, становилось все больше. Установленные к середине XX в. факты, действительно, не давали повода судить о господстве или даже о значимом наличии в древневосточных обществах рабовладельческих производительных сил и производственных отношений.

Исследования, спровоцированные дискуссиями о периодизации всемирной истории и истории отдельных обществ, показали, что не все страны в своем развитии проходят известные формационные ступени, наблюдается перескакивание через целые этапы; что существуют значительные различия в обществах, принадлежавших, как представлялось, к одной и той же формации. Ко всему прочему историки столкнулись с проблемой определения формационной принадлежности ряда стран (восточных обществ, в том числе кочевых, стран Восточной, Центральной и Северной Европы на момент оформления в них государственного строя и т.д.).

В данной ситуации многие исследователи предприняли попытку пересмотреть классическую для формационной теории периодизацию исторического процесса. Материалистическое понимание истории предполагает введение множества вытекающих друг из друга критериев периодизации общественного развития в зависимости от глубины рассмотрения человеческой жизни. Если выстроить данные критерии от сущности к явлению, то среди них можно выделить состояние самого труда и его исторические формы; состояние средств производства, используемых в процессе труда, и соответственно исторических форм техники; состояние производственных отношений (в первую очередь отношений собственности), социальной структуры, политической организации, духовной жизни и т.д. Наиболее фундаментальным и при этом общим критерием периодизации исторического процесса у К. Маркса является качественная определенность способа производства как единства производительных сил и производственных отношений. Именно на основе данного критерия родоначальник исторического материализма выделил известные пять формаций (первобытнообщинную, рабовладельческую, или античную, феодальную, капиталистическую и коммунистическую). В некоторых работах К. Маркса можно встретить также представление об «азиатском» способе производства и соответственно об «азиатской» формации, хотя четкого анализа данного этапа общественного развития, во многом из-за отсутствия достаточной информации у автора, в данных работах не обнаруживается. Пятичлен-

ная формационная схема с течением времени стала считаться классической.

В связи с обнаружившимся несовпадением этапов всемирной истории и истории отдельных стран ряд отечественных методологов истории попытались пересмотреть последовательную смену пяти известных формаций, дополняя или сокращая число этапов общественного развития. К примеру, М.Н. Мейман, С.Д. Сказкин, Е.М. Штаерман, ссылаясь на тот исторический факт, что большинство стран, исключая Грецию и Рим, не знали рабовладения как господствующего способа производства, сочли данный способ производства тупиковой ветвью исторического развития, по сути, случайным явлением во всемирно-историческом масштабе [Мейман М.Н., Сказкин С.Д., 1960; Штаерман Е.М., 1968]. Напротив, С.В. Юшков, анализируя состояние европейского раннесредневекового общества (преимущественно стран Центральной, Северной и Восточной Европы), пришел к выводу о необходимости выделения новой формации — дофеодальной, или периода варварского государства [Юшков С.В., 1946]. По пути дополнения формационной схемы пошли и сторонники «азиатского» способа производства.

Само по себе упрощение или дополнение перечня основных формаций, продиктованное открытием новых эмпирических данных и их частнонаучным обобщением, не подрывает еще идеи исторического материализма о единстве и закономерном, объективном, поступательном характере общественного развития, при условии, что всемирно-историческая значимость каждого этапа общественного развития получает свое эмпирическое и теоретическое обоснование. Дискуссии середины XX в. о периодизации исторического процесса как раз выявили некоторые трудности в данном обосновании. Обнаружилось, что общая идея Маркса о последовательной закономерной смене формаций адекватна лишь ходу всемирно-исторического процесса, но она не отражает в достаточной мере смену этапов развития каждого общества в отдельности. В условиях, когда историки и философы обошли вниманием несовпадение методологии исследования всемирной истории и методологии исследования локальной истории, подойдя тем самым с одной методологической меркой к анализу общего в особенном и

особенного в единстве с общим в общественном процессе, обнаружилось, что какой бы перечень формаций не вводился, как бы он не уточнялся, он никогда не будет одинаков для каждой страны в отдельности.

Ближайшим следствием подобного вывода становилось стремление выработать отдельную методологию для анализа особенного в социальном развитии, без ущерба общей методологии, поскольку общая методология выглядела вполне адекватной в плане анализа всемирно-исторического процесса. Вместе с тем выработка методологии анализа особенного не может не изменить и общей методологии. Общее всегда реализуется через особенное, а особенное — в связи с общим. По данной причине углубление понимания общего всегда приводит к углубленному описанию и объяснению особенного и наоборот. В случае с дискуссиями второй половины XX в., в том числе споров о периодизации исторического процесса, именно общая методология оставалась, по сути, без изменений. Такое неизменное состояние общего взгляда на исторический процесс с течением времени привело к тому, что частнонаучные изыскания все больше приобретали самостоятельный вид, поскольку частнонаучная методология все меньше находила оснований в общей теории. Одновременно со «смысловым разрывом» между анализом общего и особенного обнаруживался процесс взаимного «выхолащивания» теоретических основ понимания как общего, так и особенного в истории. Обнаруживался и обострялся конфликт между двумя типами теоретических изысканий. Стремление сохранить общую теорию исторического процесса без ее существенного изменения в условиях выработки методологии анализа особенного в итоге привело к обратному эффекту — кризису данной общей теории и постепенному отказу от нее.

Примечателен в данном плане итог дискуссий о периодизации исторического процесса. В 1966 г. в журнале «Вопросы истории» вышла любопытная статья Л.С. Васильева и И.А. Стучевского, посвященная возникновению и эволюции дакапиталистических обществ. Основной тезис статьи заключался в том, что в зависимости от специфики социальных и климатических условий в отдельных обществах возможен непосредственный переход от первобытно-

сти к различным способам внеэкономического принуждения и, надо полагать, хотя авторы напрямую такого вывода не сделали, соответствующим способам производства — «азиатскому», рабовладельческому или феодальному [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 86–90]. Отличие «азиатского», рабовладельческого и феодального способов производства, согласно авторам, состоит лишь в динамике развития, т.е. не в главном — внеэкономическом принуждении, а во второстепенном [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 89–90]. Анализируя историю стран Востока до утверждения в них капитализма, авторы пришли к выводу, что особенностью «азиатского» пути развития является переплетение всех трех форм внеэкономической эксплуатации [Васильев Л.С., Стучевский И.А., 1966, с. 85].

Работая в рамках материалистической традиции, отечественные востоковеды постоянно сталкивались с тем, что родоначальники и ближайшие последователи формационной теории крайне мало внимания уделяли истории неевропейских стран, особенно их древней истории. В такой ситуации, с одной стороны, историки Востока приобретали широкое поле для теоретических обобщений, с другой — получали возможность довольно вольной и не всегда последовательной интерпретации основ исторического материализма. Однако статья Л.С. Васильева и И.А. Стучевского обращает на себя внимание не столько объективными и субъективными трудностями, с которыми сталкивалось отечественное востоковедение, сколько самими принципами рассуждения авторов.

Примечательно, что авторы, будучи представителями частной науки, в основу своих рассуждений положили феноменологический пласт формационной теории: они начали не с производящего свою сущность человека, не с труда и средств производства, а с экономических отношений, т.е. с формы, в которой реализуется человек как производящее существо. При этом производственные отношения авторы подвергли рассмотрению лишь в плане их политической реализации — принуждения. Подобное неосознанное редуцирование сущности исторического процесса к явлению, а содержания к форме в итоге всегда приводит к тому, что в тумане остаются внутренние пружины всякого развития, субстанциальные основания

смены этапов развития, качественная определенность этих этапов, в результате чего вполне возможным становится шаг к представлению о случайной связи формаций, их случайном появлении и взаимозаменяемости. Вполне эмпирически обоснованный, но странный с точки зрения формационной теории вывод о возможности перехода от первобытности к любой из трех докапиталистических формаций, как раз является следствием обычного растворения сущности исторического процесса в явлении. При таком взгляде формации из этапов общественного развития незаметно превращаются в рядоположенные формы общества, а вместо содержательного критерия при различении формаций по уровню сложности развития общественной жизни вводится формальный критерий — динамика развития. Под удар попадает эмпирически подтверждаемая идея исторического материализма о прогрессивной направленности общественного развития.

Отношения между формациями в таком плане кажутся абсолютно случайными. Они могут существовать изолированно друг от друга, будучи географически локализованными, а могут сосуществовать. Объяснение, которое авторы попытались дать различиям в характере существования докапиталистических форм общества, также обнаруживает чисто феноменологический характер, вызывая тем самым еще больше вопросов. Различия в типе устройства были увязаны со спецификой социальных и климатических условий. Такое объяснение наталкивает на мысль, что социальная структура и предмет человеческой преобразовательной деятельности (климатические условия) понимаются авторами как нечто существующее рядом с экономическими отношениями, как нечто, не имеющее формационной определенности.

Таким образом, редукция сущности к явлению, содержания к форме имплицитно несет в себе распад важнейшей абстракции исторического материализма — формации. Формация, по сути, перестает пониматься как этап развития общества, поскольку этапы при анализе, предпринятом авторами, утрачивают свою качественную определенность, сохраняя лишь количественную. Более того, формация перестает пониматься как общество (целостное общественное образование) на определенном этапе развития, поскольку каждая из сторон обще-

ственной жизни начинает восприниматься как нечто в существенной мере самостоятельное, а не как проявление и выражение одной и той же качественно определенной человеческой сущности.

В последующих работах Л.С. Васильева разведение сторон общественной жизни приобрело более четкий вид. В частности, автор высказал предположение о том, что развитие Востока зависело в большей мере от социально-политических отношений, в отличие от Запада, где определяющими оказались отношения экономические [Васильев Л.С., 1968]. В начале 90-х гг. автор уже пришел к выводу о принципиальных различиях в истории стран Запада и Востока. В западных странах, по его мнению, ведущими являются экономические факторы развития, исторический процесс по данной причине идет здесь поступательно, что вполне адекватно отражает формационная теория. В странах Востока, наоборот, определяющим фактором развития является отношение к власти, государству, развитие здесь поэтому приобретает циклический характер, что отражает теория цивилизаций [Васильев Л.С., 1994]. Подобный вывод, по сути, означал, что формационная теория не отражает хода всемирно-исторического процесса, общего в нем, что она, подобно цивилизационным концепциям, описывает лишь особенное в развитии, в данном случае — историю Европы. В середине 90-х гг. Л.С. Васильев, по сути, уже полностью перешел на позиции цивилизационного подхода, стал интерпретировать отдельные общества как культурно-религиозные общности [Васильев Л.С., 1995].

Эволюция взглядов Л.С. Васильева показательна тем, что она типична для многих отечественных исследователей второй половины XX в., поскольку в некоторых узловых моментах выражает общую логику применения абстрактно-всеобщей теории к анализу особенно в общественном развитии и постепенный распад данной теории по мере подобного ее применения. Схожих с Л.С. Васильевым позиций придерживались, к примеру, Н.Ф. Колесницкий, Ю.А. Ющенко А.М. Ковалев [Колесницкий Н.Ф., 1968; Ющенко Ю.А., 1991; Ковалев А.М., 1996, с. 99–102].

Использование абстрактно-всеобщей теории в качестве основы анализа особенного в исто-

рическом процессе имело и другое далеко идущее следствие: оно выявляло не только эвристическую ограниченность данной теории, но и способствовало ее феноменологизации и постепенному распаду. Все попытки решения проблемы конкретно-всеобщего в истории на основе абстрактно-всеобщей теории приводили в конечном счете к ревизии ключевых положений исторического материализма в духе старой (классической, домарксовской) социальной философии и философии истории и их неклассического направления.

Трансформация отечественного исторического материализма в 60–80-е гг. XX в. прошла в двух планах — гносеологическом и онтологическом. Обозначившаяся эвристическая ограниченность абстрактно-всеобщей теории исторического процесса особенно актуальной делала проблему познаваемости социального развития. Особенно примечательной стала поднятая в 60–70-е гг. тема о соотношении логического и исторического. В.Я. Израитель отмечал, что в литературе часто встречается тенденция к смешению философской категории «формация» с конкретными этапами исторического развития и отождествления ее с историей отдельного общества [Израитель В.Я., 1975, с. 14–15]. По его мнению, к определению категории формации есть два подхода: структурно-логический, или понятийный, и структурно-исторический, или фактуальный. При первом подходе формация выступает как общее понятие в рамках логического анализа, в результате чего становится возможным выделение основных стадий и общих закономерностей исторического процесса. При втором подходе выясняется, как то, что отражает категория формации, реализуется в конкретном историческом процессе, в эмпирически наблюдаемых обществах. В.Я. Израитель подчеркнул необходимость диалектического сочетания обоих подходов [Израитель В.Я., 1975, с. 15–16].

В некотором роде оба выделенных подхода к определению понятия формации и использованию данного понятия в процессе анализа исторического процесса в их диалектической связи соответствуют общему методу К. Маркса, продемонстрированному в «Капитале» и предварительных к нему работах. Структурно-логический подход, по сути, является выражением метода восхождения от конкретного к аб-

страктному; структурно-исторический — обратного восхождения — от абстрактного к конкретному. В данном плане В.Я. Израитель был прав, подчеркивая единство обоих подходов, однако он оставил без внимания их принципиальное различие. Содержательное отличие подходов заключается не столько в их направленности, сколько в их предмете. Предметом структурно-логического подхода (в терминологии Израителя), как и процесса восхождения от конкретного к абстрактному, в конечном счете является общее. Несмотря на то что исследование начинается с единичного и особенного, но именно это единичное и особенное в процессе выявления общего в них постепенно элиминируется. Предметом структурно-исторического подхода и процесса восхождения от абстрактного к конкретному, является уже общее в его связи с особенным, интегрированное многообразие общего и особенного. Данное содержательное различие отмеченных подходов В.Я. Израитель фактически не замечает, для него категория формации, в каком бы логическом, понятийном срезе она ни бралась, отражает лишь общее в социальной действительности. Ссылаясь на К. Маркса и Ф. Энгельса, автор отмечал, что логическое отражает лишь общие тенденции в действительности, очищенные от случайностей; в чистом виде в реальности формаций не существует, всегда есть лишь некоторое приближенное к ним состояние общества [Израитель В.Я., 1975, с. 17–18]. Близких Израителю позиций придерживались многие советские теоретики [Лысманкин Е.Н., 1969; Разин В.И. 1979].

Понятие как элементарная логическая форма, безусловно, отражает общее в действительности, тогда как сама действительность раскрывается в единстве всех своих сторон — общего, особенного и единичного. Данное различие между понятием предмета и предметом участники дискуссии взяли за основу решения проблемы соотношения логического и исторического. Будучи приверженцами научного материализма, участники дискуссии по проблемам исторической гносеологии в том числе всегда стояли на позициях безусловной познаваемости мира в целом, общественной жизни в частности. Однако то различие между понятием предмета и самим предметом, которое было положено исследователями в 60–70-е гг. в ос-

нову соотношения логического и исторического, как ни странно, имплицитно содержало в себе момент агностицизма. Если признать, что понятие отражает только общее в предмете, то придется сделать вывод и о том, что особенное и единичное в предмете принципиально не могут быть отражены на уровне логического познания.

Причины «коррозии» исторического материализма, в данном случае научной теории исторического познания, стоит искать в эвристической ограниченности старой (абстрактно-всеобщей) формы научной теории общества. Участники дискуссии 60–70-х гг. уловили различие между описанием общего и общего в его связи с особенным в историческом процессе, но не сделали необходимого вывода о том, что и сами категории, отражающие эти два плана реальности, различаются.

Эвристически ограниченным является уже само исходное положение о том, что понятие отражает лишь общее в действительности, действительность же представлена единством общего, особенного и единичного. Согласно марксизму принципиальное различие между понятием и предметом, который оно отражает, состоит не в том, как в них раскрывается общее и особенное, а в том, какова их сущность. Принципиальное отличие понятия от объективно существующего предмета отображения состоит в его идеальности, т.е. в том, что предмет в понятии лишается не своих особенных или единичных характеристик, а своего непосредственного материального субстрата. Иными словами, понятие отражает все присущие предмету характеристики, не только общее в нем, но и особенное и единичное. При этом все же стоит оговориться, что особенные и единичные характеристики предмета отражаются в понятии в обобщенном виде. Большинство советских авторов, по сути, не заметили, что в марксизме имеется два плана категорий — абстрактно-всеобщие, схватывающие лишь общее за вычетом всего многообразия особенного и единичного; и конкретно-всеобщие, отражающие единство многообразия предмета в обобщенном виде, представляющие собой, по выражению К. Маркса, «синтез многочисленных определений» [Маркс К., 1978, с. 37]. В.Я. Израитель, в частности, категорию формации считал исключительно абстрактно-всеобщей, тем самым согласившись с ограни-

ченностью возможностей ее использования при анализе конкретного многообразия исторического процесса.

Не менее примечательными стали дискуссии об историческом процессе онтологической направленности. Неоднозначность смены формаций и их реализации в развитии отдельных обществ, зафиксированная историками, естественным образом породила дискуссию об одном из важнейших положений исторического материализма — об объективных законах общественного развития. В отечественной науке данная дискуссия известна как спор об отношении социологических законов и исторических закономерностей, особо ярко проявившийся в 60–80-х гг. XX в.

В ходе дискуссии обозначилось несколько точек зрения. Ряд авторов пришли к выводу, что историческая наука в силу своего частнонаучного инструментария способна лишь описывать историческую действительность, не раскрывая ее сущности и законов ее развития. В связи с этим делался вывод о том, что существуют только социологические законы, выражающие общее в социальном развитии, которые способна выявить только социальная философия [Гулыга А.В., 1964; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я., 1981, с. 112, 269; Марксистско-ленинская..., 1964, с. 294; Рожин В.П., 1962, с. 36–37; Федосеев П., Францев Ю., 1964]. Иную точку зрения высказали некоторые методологи истории. В частности, А.Я. Гуревич считал, что существуют особые конкретные (отличающиеся от общих) исторические закономерности, доступные частнонаучному описанию историка [Гуревич А.Я., 1965]. Позже появилась компромиссная точка зрения. Известный методолог истории Е.М. Жуков высказал мнение, что историческая наука исследует конкретный путь проявления общих закономерностей. Исторический материализм открывает законы общественного развития, историческая наука исследует их конкретное воплощение [Жуков Е.М., 1964, с. 221]. Исторические законы, существование которых автор признавал, вскрывают механизм действия социологических законов в определенных конкретно-исторических условиях. Они подчинены социологическим законам, находятся с ними в генетической связи, но при этом автономны [Жуков Е.М., 1979, с. 15–16]. Согласно автору,

исторический закон, в отличие от социологического, не жесток, он есть своего рода тенденция [Жуков Е.М., 1979, с. 17].

Мнение Е.М. Жукова получило свое развитие в работах М.А. Барга, Е.Б. Черняка. Авторы пришли к выводу, что социологический закон един во всех странах, но вместе с тем на его основе нельзя объяснить отклонений в общественном развитии, которые, стало быть, могут быть объяснены при обнаружении исторических законов [Барг М.А., 1984, с. 188–190, 193–196; Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 55]. Социологические законы, согласно авторам, — необходимое условие возникновения и действия исторических законов, отправной механизм их функционирования, их содержание и сущность, границы их приложения [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 150–151]. Исторический закон позволяет объяснить особенное, в котором проявляется всеобщее [Барг М.А., 1984, с. 24], поэтому он — форма проявления социологического закона в пространственно-временном континууме [Барг М.А., 1984, с. 183–184]. Исторические законы автономны, являются принципом движения конкретно-исторических форм социальной действительности [Барг М.А., 1984, с. 190–191], верхняя граница их действия — всемирно-исторический процесс, нижняя — этнополитическая общность [Барг М.А., 1984, с. 25]. По сути, историческими законами, согласно М.А. Баргу, оказываются социологические законы, лишенные жесткости [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 74–144]. Близкая позиция была высказана А.В. Санцевичем [Санцевич А.В., 1990, с. 56].

Если в 60–70-е гг. в споре об исторических закономерностях многие методологи истории стремились согласовать социально-философскую методологию с частнонаучной, то в 80-е гг. среди историков-теоретиков вновь возобладала тенденция к отмежеванию от общей методологии исторического материализма. В частности, Б.Г. Могильницкий обращая внимание в очередной раз на то, что социологические законы не позволяют объяснить конкретного исторического многообразия [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 10–11], высказал ставшее впоследствии типичным для отечественной исторической науки мнение, что конкретное в принципе не выводимо из абстрактного [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 12–13]. В результате

автор пришел к выводу о необходимости создания независимой от социологической типологии, ориентированной на многообразие исторической эмпирии [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 13]. Согласно Б.Г. Могильницкому, социологические законы имеют генерализирующий, общий характер, безусловны в действии, исторические же законы — в большей степени индивидуальны, конкретны, тесно связаны с человеческой деятельностью, условны, вероятностны, указывают на случайность, носят в целом индивидуализирующе-генерализирующий характер [Могильницкий Б.Г., 1986, с. 15–17; 1989, с. 33, 41].

Дискуссия об исторических закономерностях показательна в двух планах. Во-первых, она демонстрирует эвристическую несостоятельность абстрактно-всеобщей теории исторического процесса при описании и объяснении всего многообразия особенного в социальной действительности в связи с общим. Данные эвристические рамки спровоцировали среди исследователей-историков, предметной областью изучения которых как раз выступает особенное в социальном развитии, тягу к выработке самостоятельной, дистанцированной от социально-философской, конкретно-исторической методологии. Примечательно, что среди философов, участвовавших в дискуссии, практически не удается обнаружить хоть какой-нибудь существенной попытки модифицировать материалистическую философию таким образом, чтобы она учла достигнутые наработки исторической науки, не искажая или не игнорируя при этом фактов и не отступая от ключевых положений исторического материализма.

Во-вторых, дискуссия об исторических закономерностях показала, что при малейшей попытке втиснуть в рамки абстрактно-всеобщей теории конкретный материал обнаруживается тенденция к размыванию ее базовых положений, принципов и категорий и переходу на альтернативные материализму позиции. Показательны, к примеру, выводы М.А. Барга и Е.Б. Черняка, стремившихся рассматривать исторические закономерности как модификацию и вариативное проявление общих социологических законов. По их мнению, жесткая зависимость надстройки от базиса на социологическом уровне (вообще) может оказаться относительной, а порою и обратной на историческом

уровне (особенном). Общественное развитие на историческом уровне может оказаться не всегда поступательным, роль географической среды не всегда подчиненной и т.п. [Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 75–139].

Более того, стремление представить исторический закон как вариативный, социологический подрывает само понятие закона как устойчивой и необходимой связи. Подрывает оно и принципы диалектики, являющиеся составляющей исторического материализма. Представление о вариативности закона содержит в себе мысль о возрастающей роли случайности по отношению к необходимости. Согласно диалектике случайность всегда относительна, тогда как необходимость абсолютна, случайность — момент необходимости, она не может быть «больше или меньше» последней.

Смысловые трудности абстрактно-всеобщего рассуждения негативным образом выявляют, что социологический закон нельзя трактовать только как общий закон исторического развития и тем самым редуцировать его исключительно к его общему содержанию. Помимо общего содержания в социологическом законе представлено и все многообразие особенного его содержания, которое при абстрактно-всеобщем диалектическом анализе игнорируется, порождая столь же абстрактные представления о неких самостоятельных исторических закономерностях. Объективно существуют только социологические (в терминологии дискуссии) законы, которые являются конкретно-всеобщими по содержанию.

Другой распространенной попыткой выведения многообразия особенного в его единстве с общим в истории стал пересмотр отношения различных сторон социальной действительности, в конечном итоге — отношения базиса и надстройки. Исследуя конкретное выражение формации в отдельных обществах, Ф. Энгельс высказал положение об автономности и активности надстройки, ее обратном влиянии на базис, акцентируя при этом внимание на том, что в конечном счете именно базис определяет характер надстройки. Будучи автономной, надстройка может опережать в своем развитии наличное состояние базиса, хотя она всегда отстает от глубинных тенденций его развития [Энгельс Ф., 1965а, с. 394–395; 1965б, с. 416–418; 1966а, с. 175; 1966б]. Оказывая обратное

влияние на базис, надстройка, в частности государство, сообразно своему состоянию может стимулировать или тормозить развитие базиса [Энгельс Ф., 1965b, с. 417]. Отечественные методологи истории предприняли попытку увязать особенное в общественном развитии с асинхронностью развития базиса и надстройки. С их точки зрения, базис во всех обществах, принадлежащих одной формации, одинаков, свои особенные вариации он приобретает только благодаря подвижности надстройки, ее различному состоянию и соответствующему данному состоянию обратному влиянию на него [Жуков Е.М., 1975, с. 16–17; 1987, с. 98–102; Барг М.А., Черняк Е.Б., 1979, с. 88; Лапин Н.И., 1991, с. 117].

Попытка связать особенное в историческом процессе с автономностью надстройки и ее обратным действием на базис дала противоречивый результат. С одной стороны, положение об автономности надстройки от базиса, в котором реализуется якобы только общее всем странам состояние общественной жизни, открывает возможность частных обобщений, выделения особенного при анализе социальных, политических и духовных отношений между людьми, что является необходимым условием решения проблемы конкретно-всеобщего в историческом процессе в целом. Представление о соответствии надстройки базису, т.е. определенном их тождестве, при условии, что кроме общего в базисе ничего не обнаруживается, безусловно, является существенным препятствием на пути выделения особенного на уровне надстройки. Тождественность надстройки базису, содержание которого сведено к общему в нем, приводит соответствующим образом к сведению всего многообразия особенных проявлений надстройки к общему ее состоянию. В данном плане тезис Ф. Энгельса об автономности надстройки, ее несовпадении с базисом стал для отечественных методологов истории своеобразной индульгенцией, позволяющей искать основания особенного в общественном развитии в обход базису, т.е. всецело в области надстроечных явлений.

С другой стороны, стремление увязать особенное в историческом развитии только с состоянием и действием надстройки превращает ее, по сути, в некий вполне самостоятельный фактор общественной жизни и во многом ста-

вит ее как фактор человеческой жизни, наравне с базисом. Проще говоря, оказывается, что на уровне базиса реализуется общее в истории, на уровне надстройки — особенное. В тенденции такое понимание соотношения базиса и надстройки содержит в себе вывод о том, что базис не определяет общественной жизни человека целиком, в единстве ее общего и всего многообразия особенного содержания, т.е. не является, по сути, базисом. При таком подходе естественным становится представление о дуализме базиса и надстройки, в котором каждый из уровней общественной жизни в равной мере значим, в равной мере является определяющим.

К концу дискуссии о соотношении базиса и надстройки данный дуализм проявился в очевидной форме. К примеру, В.И. Разин пришел к выводу, что по мере исторического развития активность и формирующая роль надстройки возрастает [Разин В.И., 1979, с. 31]. К.Х. Момджян высказал мнение, вполне согласующееся с выводами неомарксистов, что материальные потребности и удовлетворяющее их материальное производство играли определяющую роль лишь в древности, в современном обществе определяющими стали духовные потребности и духовное производство [Момджян К.Х., 1991]. Е.Б. Черняк предположил, что базис и надстройка в истории могут быть попеременно ведущими [Черняк Е.Б., 1993, с. 81]. А.В. Санцевич высказал предположение, что историческое событие представляет собой сложное сочетание законов различных социальных процессов — социологических, психических, экономических, идеологических [Санцевич А.В., 1990, с. 57]. Стремление вывести многообразие особенного в историческом процессе из надстройки и ее обратного действия на базис, таким образом, пошло вразрез с основными положениями исторического материализма об определяющей роли базиса в общественной жизни, первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

Рассуждая об автономности надстройки и ее обратном действии на базис, важно разобраться, в чем именно эти автономность и обратное действие состоят. Формула соотношения базиса и надстройки, изложенная в переписке Ф. Энгельса, имеет предельно общий, абстрактный и во многом формальный вид и может быть понята только в контексте материалистического пони-

мания истории в целом. Основанием автономности надстройки является то, что она по своей сущности не сводима к базису, хотя им порождена. Базис, если следовать определению К. Маркса, данному им в «Предисловии к критике политической экономии», составляют производственные, экономические отношения, которые, в свою очередь, являются формой производительных сил [Маркс К., 1959]. Важнейшей производительной силой, как, впрочем, и единственной подлинной субстанцией исторического процесса, является сам человек — социальное материальное существо, производящее собственную жизнь и сущность посредством преобразования природы. Труд в данном плане выступает в качестве способа развития человека, его субстанциального свойства. Производственные отношения, т.е. отношения, которые складываются между людьми в процессе производства ими собственной жизни, таким образом, являются непосредственной формой и адекватным выражением материального производства труда (включая его вещные элементы) как способа развития человека, и в этом смысле они оказываются объективными, субстанциальными отношениями. Надстройка составлена социальными, политическими, духовными отношениями, которые, при определенной несводимости друг к другу, схожи, тем не менее, в том, что они являются отношениями несубстанциальными, формой несубстанциальных человеческих свойств (общения, власти, сознания).

Надстройка в конечном счете идеальна и в этом плане является своего рода отрицанием базиса, который материален; в этом собственно и состоит ее определенность как надстройки. Вместе с тем она является порождением базиса, ее существование и развитие опосредуются вещественными, созданными в рамках производственных отношений элементами, и в этом плане она тождественна ему. Выражаясь языком Гегеля, надстройка является своего рода «инобытием» базиса. К примеру, сознание и складывающиеся на его основе духовные отношения есть «инобытие» труда, преобразуемой в нем природы и возникающих на его основе производственных отношений, в котором труд, его вещные элементы и производственные отношения оказываются лишены своего непосредственного материального субстрата; иными словами, они существуют идеально. Утрачивая свой

субстанциальный характер в надстройке, базис, способ производства в целом лишаются способности саморазвития, что обеспечивает с необходимостью возвратное движение от надстройки к базису, т.е. к восстановлению субстанциального характера человеческого бытия. Активность надстройки, ее обратное действие на базис, таким образом, следует рассматривать как возвращение субстанции к себе, тождественному себе состоянию. Активность надстройки (и ее непосредственного содержания — сознания) есть не что иное, как продолжение активности субстанции, «инобытийная» форма субстанциальной активности. Активность надстройки тем выше, тем сильнее ее влияние на базис, чем адекватнее она базису как форма его «инобытия». К примеру, человеческое мышление обеспечивает полный возврат к его субстанциальным основаниям, будучи адекватным их отображением. В научном мышлении, как истинном, адекватном отображении действительности, субстанция приобретает законченный «акцентенальный» вид (она отражает себя целиком в своей сущности, будучи при этом лишена себя как объективная действительность), что становится отправной точкой возврата субстанции к себе, восстановления ее в «субстанциальных правах».

Принимая во внимание субстанциальные основания отношения базиса и надстройки, стоит подчеркнуть, что надстройка как «акциденция» базиса не способна что-либо самостоятельно породить. Все то, что обнаруживается в надстройке, в том числе и ее определенность как «акциденции», предопределяется базисом. Надстройка не порождает особенного в общественной жизни и не придает особенных модификаций базису как общему, как это предположили отечественные методологи истории. Общее и все многообразие особенного в их связи содержатся в базисе и в своих «инобытийных» формах реализуются благодаря базису в надстройке. Конкретно-всеобщее содержание исторического процесса, таким образом, нельзя вывести только из специфики отношения базиса и надстройки, оно должно быть выведено первоначально из самого базиса, точнее из определяющих его производительных сил, труда как субстанциального свойства человека, в первую очередь человека как производящего свою жизнь существа.

К концу советского периода отечественная социальная философия, гуманитарная наука в целом оказалась в ситуации, когда абстрактно-всеобщая материалистическая теория общества оказалась фактически разрушена изнутри. Все попытки увязать многообразие особенного в истории с общим, выразившиеся, по сути, в процессе простого дополнения абстрактных обобщений конкретными, частнонаучными обобщениями, привели к существенному обеднению понимания истории в целом даже по сравнению с тем, как оно было раскрыто у родоначальников исторического материализма.

Столь легкая, на грани научной беспринципности смена теоретических позиций многими отечественными гуманитариями на рубеже 80–90-х гг. объясняется не только объективными обстоятельствами распада социализма, но и субъективными причинами — кризисом абстрактной материалистической теории. Позднесоветский марксизм, формирующийся по принципу дополнения абстрактно-всеобщей материалистической теории частными обобщениями, эмансипировал конкретно-научные изыскания, а деградация материалистического понимания истории в целом способствовала стремительному переходу гуманитариев на альтернативные позиции — классической и неклассической философии.

Список литературы

Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.

Васильев Л.С. История Востока. М.: Высшая школа, 1994. Т. 1. 495 с.

Васильев Л.С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 455–515.

Васильев Л.С. Цивилизация Востока: специфика, тенденции, перспективы // Цивилизации. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 121–130.

Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме «азиатского» способа производства) // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 84–90.

Гулыга А.В. О предмете исторической науки // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 20–31.

Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14–30.

Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 27–35.

Жуков Е.М. Историческая наука и общая методология // Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1964. С. 218–231.

Жуков Е.М. Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 10–19.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1987. 256 с.

Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.

Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. 191 с.

Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. 290 с.

Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 97–104.

Колесницкий Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 610–625.

Латин Н.И. О многомерности истории // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 108–117.

Лысманкин Е.Н. Развитие В.И. Лениным учения об общественно-экономической формации // В.И. Ленин как философ. М.: Политиздат, 1969. С. 150–165.

Маркс К. Предисловие к критике политической экономии. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 5–13.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1978. Т. 46, ч. 1. 614 с.

Марксистско-ленинская философия. М., 1964. 512 с.

Мейман М.Н., Сказкин С.Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 64–69.

- Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Могильницкий Б.Г. О специфических исторических законах // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 6–31.
- Момдзян К.Х. Маркс и современная история // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 140–148.
- Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. 311 с.
- Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 15–19.
- Разин В.И. Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и современность. М.: Изд-во МГУ, 1979. 245 с.
- Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 159 с.
- Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев: Наукова думка, 1990. 196 с.
- Федосеев П., Францев Ю. История и социология // Коммунист. 1964. № 2.
- Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Цивилизации. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 70–93.
- Штаерман Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 626–635.
- Энгельс Ф. Письмо И. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.
- Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 174–177.
- Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 56–57.
- Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 414–422.
- Юшков С.В. К вопросу о дофеодалном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 28–37.
- Юценко Ю.А. К вопросу о типологии и направленности исторического процесса // Социальная философия в конце XX века. М.: МГУ, 1991. С. 223–230.

Получено 10.01.2019

References

- Barg, M.A. (1984). *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 315 p.
- Barg, M.A. and Chernyak, E.B. (1979). *Istoricheskie struktury i istoricheskie zakony* [Historical structures and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B. and Pavlov, V.I. *Teoreticheskiye problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov, E.M., Barg, M.A., Chernyak, E.B. and Pavlov, V.I. Theoretical problems of the world-historical process]. Moscow: Nauka Publ., 330 p.
- Chernyak, E.B. (1993). *Tsivilizatsii i revolyutsii* [Civilizations and Revolutions]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., vol. 2, pp. 70–93.
- Danilova, L.V. (1968). *Diskussionnyye problemy teorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Discussion problems of the theory of pre-capitalist societies]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 27–35.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo I. Blokhu* [Letter to I. Bloch]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37. pp. 393–397.
- Engels, F. (1966). *Pis'mo V. Borgiusu* [Letter to V. Borgius]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 174–177.
- Engels, F. (1966). *Pis'mo F. Meringu* [Letter to F. Mering]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 56–57.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo K. Shmidt* [Letter to K. Schmidt]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, p. 414–422.
- Fedoseyev, P. and Frantsev, Yu. (1964). *Istoriya i sotsiologiya* [History and Sociology]. *Kommunist* [Communist]. No. 2.
- Gulyga, A.V. (1964). *O predmete istoricheskoy nauki* [On the subject of historical science]. *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 20–31.
- Gurevich, A.Ya. (1965). *Obschiy zakon i konkretnaya zakonomernost' v istorii* [General law and specific pattern in history]. *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 14–30.
- Izrael', V.Ya. (1975). *Problemy formatsionnogo analiza obschestvennogo razvitiya* [Problems of Formation Analysis of Social Development]. Gorkiy: Volgo-Vyatka book Publ., 191 p.
- Kelle, V.Zh. and Kovalzon, M.Ya. (1981). *Teoriya i istoriya* [Theory and History]. Moscow: Politizdat Publ., 290 p.

Kovalev, A.M. (1996). *Esche raz o formatsionnom i tsivilizatsionnom podkhodakh* [Once again about the formational and civilization approaches]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1, pp. 97–104.

Kolesnitskiy, N.F. (1968). *K voprosu o ranneklassovykh obschestvennykh strukturakh* [On the issue of early class social structures]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 610–625.

Lapin, N.I. (1991). *O mnogomernosti istorii* [On the multidimensionality of history]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the XXth century]. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 108–117.

Lysmankin, E. (1969). *Razvitie V.I. Leniny ucheniya ob obschestvenno-ekonomicheskoy formatsii* [Development of V.I. Lenin's doctrine of socio-economic formations]. *V.I. Lenin kak filosof* [V.I. Lenin as a philosopher]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 150–165.

Marx, K. (1959). *Predislovie k kritike politicheskoy ekonomii. Vvedeniye* [Preface to criticism of political economy. Introduction]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 5–13.

Marx, K. (1978). *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 gg.* [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 1, 614 p.

Meyman, M.N. and Skazkin, S.D. (1960). *K voprosu o neposredstvennom perekhode k feodalizmu na osnove razlozheniya pervobytno-obschinnogo sposoba proizvodstva* [On the issue of direct transition to feudalism on the basis of the decomposition of the primitive communal mode of production]. *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 64–69.

Mogilnitskiy, B.G. (1989). *Vvedeniye v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 175 p.

Mogilnitskiy, B.G. (1986). *O spetsificheskikh istoricheskikh zakonakh* [About specific historical laws]. *Metodologicheskiye i istoricheskiye voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and Historical Issues of Historical Science]. Tomsk: Tomsk University Press Publ., pp. 6–31.

Momdzhyan, K.Kh. (1991). *Marx i sovremennaya istoriya* [Marx and modern history]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the 20th century]. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 140–148.

Neronova, V.D. (1992). *Formy ekspluatatsii v drevnem mire v zerkale sovetskoy istoriografii* [Forms of exploitation in the ancient world in the mirror of soviet historiography]. Perm: Perm State University Publ., 311 p.

Ob itogakh diskussii o periodizatsii istorii SSSR (1951). [On the outcome of the discussion on the periodization of the history of the USSR]. *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 15–19.

Razin, V.I. (1979). *Marksistsko-leninskoye uchenie ob obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiyakh i sovremennost'* [Marxist-Leninist doctrine of socio-economic formations and modernity]. Moscow: Moscow State University Publ., 245 p.

Rozhin, V.P. (1962). *Vvedeniye v marksistskuyu sotsiologiyu* [Introduction to Marxist Sociology]. Leningrad: Leningrad University Publ., 159 p.

Rozhin, V., Tugarinov, V and Chagin, B. (eds.) (1964). *Marksistsko-leninskaya filosofiya* [Marxist-Leninist philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 512 p.

Santsevich, A.V. (1990). *Metodika istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 196 p.

Shtayerman, E.M. (1968). *Antichnoe obschestvo. Modernizatsiya istorii i istoricheskie analogii* [Antique society. Modernization of history and historical analogies]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of the history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 626–635.

Vasil'ev, L.S. (1994). *Istoriya Vostoka* [Eastern history]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., vol. 1, 495 p.

Vasil'ev, L.S. (1968). *Sotsialnaya struktura i dinamika drevnekitayskogo obschestva* [Social structure and dynamics of ancient Chinese society]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of history of pre-capitalist societies]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, pp. 455–515.

Vasil'ev, L.S. (1995). *Tsivilizatsiya Vostoka: spetsifika, tendentsii, perspektivy* [Civilization of the East: specifics, trends, prospects]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., vol. 3, pp. 121–130.

Vasil'ev, L.S. and Stuchevskiy, I.A. (1966). *Tri modeli vozniknoveniya i evolyutsii dokapitalisticheskikh obschestv (k probleme «aziatskogo» sposoba proizvodstva)* [Three models of the emergence and evolution of pre-capitalist societies (to the problem of the «Asian» mode of production)]. *Voprosy istorii*. No. 5, pp. 84–90.

Yushkov, S.V. (1946). *K voprosu o dofeodalnom («varvarskom») gosudarstve* [On the issue of the pre-feudal («barbaric») state]. *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 28–37.

Yuschenko, Yu. A. (1991). *K voprosu o tipologii i napravlenosti istoricheskogo protsessa* [On the issue of typology and orientation of the historical process]. *Sotsialnaya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of the twentieth century] Moscow: Moscow State University Publ., pp. 223–230.

Zhukov, E.M. (1964). *Istoricheskaya nauka i obshchaya metodologiya* [Historical science and general methodology]. *Metodologicheskie problemy nauki* [Methodological problems of science]. Moscow: Nauka Publ., pp. 218–231.

Zhukov, E.M. (1975). *Nekotoryye voprosy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Some questions of the theory of socio-economic formations]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskikh for-*

matsiy [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 10–19.

Zhukov, E.M. (1987). *Ocherki metodologii istorii* [Essay history methodology]. Moscow: Nauka Publ., 256 p.

Zhukov, E.M. (1979). *Sotsiologicheskie i istoricheskie zakony* [Sociological and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B. and Pavlov, V.I. *Teoreticheskiye problemy vseмирno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov, E.M., Barg, M.A., Chernyak, E.B. and Pavlov, V.I. Theoretical problems of the world-historical process]. Moscow: Nauka Publ., 330 p.

Received 10.01.2019

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

About the author

Vyacheslav V. Koryakin
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корякин В.В. Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 29–43. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43

For citation:

Koryakin V.V. Degradation of Soviet Marxism through the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 29–43. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-29-43